

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (ЛЕНИНГРАД) – СТОЛИЦА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Название статьи вызывает стойкое неприятие. Как-то один иностранный славист спросил меня, как я считаю, с какой темой можно выступить на конференции, посвященной российской провинции. Я с готовностью посоветовала написать о Петербурге. Но это тут же было бурно отвергнуто с явным возмущением. Думаю, что у многих моих соотечественников будет такая же реакция. Не случайно в нашем языке возникло понимание Санкт-Петербурга как второй столицы, культурной столицы и т.п. Но уже А.С. Пушкин с обычной для него проницательностью и глубиной писал: «Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом» [1]. И все же черты провинциальности в этом городе присутствуют. Здесь надо оговориться. Со времен Петра I, когда Санкт-Петербург стал строиться, эта новая столица отличалась от многого традиционного в стране. Западные традиции города проявлялись многообразно – и в планировке, и в зданиях, и в проживании людей разных национальностей. «Европейское» начало города подчеркивали и философы, и люди науки, и художественная интеллигенция. В автобиографическом романе Андрея Белого его отец, профессор Бугаев называет этот город «немецким». Конфессиональная терпимость отразилась на многообразии храмов, нередко соседствующих друг с другом. И, конечно же, до сих пор Петербург отличается от обычной провинции его официальное столичное прошлое.

Понятие провинция появилось в Древнем Риме. Тогда словом *provincia* (латинское – провинция, область) обозначали подвластные Риму территории вне Италии. Эти области управлялись наместниками из Рима. Синонимом этого слова является периферия. В любом предмете или явлении можно выделить центр и периферию. Их взаимодействие определяется многими закономерностями. Как правило, нарастающие изменения в каком-либо процессе сначала захватывают периферийные области, и лишь затем охватывают центр, когда и происходят революционные изменения. Это особенно заметно в выразительных возможностях художественных произведений, языке искусства. В книге С.М. Даниэля «Картина классической эпохи» [2] это хорошо показано на примере живописи.

Когда мы говорим о культуре в целом, то здесь взаимодействие провинции и центра (столицы) более многообразно и их взаимовлияние проникнуто центробежными и центростремительными силами. В любом государстве это взаимодействие довольно ярко себя проявляет. Правда, существуют страны, в которых несколько центров, столиц. Таковы, например, Соединенные Штаты Америки. Известно, например, что столицей кинематографии здесь является Голливуд, находящийся в Лос-Анджелесе, столицей разных областей науки – определенные университеты, разбросанные в разных городах страны, создавшие свои, зарекомендовавшие себя в сознании научной общественности, традиции. Политические решения подготавливаются в Вашингтоне, экономика зависит от Уолл-Стрита, театральная мода формируется на Бродвее. Во Франции же средоточием столичного начала является только Париж. И с давних времен провинциалы стремились покорить Париж – вспомним Стендаlevского Сореля, да того же д'Артаньяна. В России, долгие годы в которой существовали и до сих пор существуют франкофильские традиции, столь же ярко проявляет себя доминирование столицы над провинцией. И в отличие от сформулированной вначале закономерности о накоплении новых элементов на периферии, все самое передовое, интересное, новаторское сначала появляется в столице, и потом постепенно доходит до провинции. Особенно наглядно это видно в моде на одежду. Но и в области идей провинция движется медленнее. Будучи распределена после окончания аспирантуры в город Петрозаводск на рубеже 60-х – 70-х годов, где было много москвичей и ленинградцев, по разговорам и темам можно было определить, в какие годы те или иные люди покинули родные Пенаты, выпестовавшие своих питомцев в модных идейных представлениях. Однако такое разделение столичного и провинциального отмечает лишь поверхностные, брутальные проявления соотношения столицы и провинций. На самом деле они много сложнее, имеют различные градации и оттенки.

Когда мы говорим о провинции, то в первую очередь возникают ассоциации с провинциальностью. Провинциальность в стереотипном проявлении – это «одурь отупляющей жизни», неспешность, размеренность быта, стремление к уюту и спокойности существования. Действительно, в провинции, как правило, более замедленный темп жизни, большая зависимость от суждений окружающих, ибо круг людей общения более ограничен, и однажды выпав из каких-то принятых рамок, человек получает клеймо на всю оставшуюся жизнь. Поэтому провинциальный человек более робок, зависит от мнения окружающих, старается не выходить за рамки общепринятого. С другой стороны, не обученный проявлениям устоявшихся условностей, часто ведет себя так, что его поведение воспринимается как проявление грубости и невоспитанности людьми, выработавшими определенные, как правило, вызванные необходимостью, этикетные правила. Чаще всего это проявляется в костюме. Так, например, желая продемонстрировать впервые приобретенный жилет, один провинциальный соискатель явился на экзамен без пиджака, наивно считая, что такое одяжание подчеркивает его светскость.

Столица же всегда отмечена сутолокой, спешкой, бурлением страстей и появлением всевозможных новинок. Это ни в коей мере не противоречит тому, что именно на окраинах зарождаются новые тенденции. Новое явление должно пройти долгую обкатку, вызреть, совершенствуясь и шлифуясь. Именно зарождение нового чаще всего вызревает на периферии. Но внедрение и распространение его характерно для столицы. Именно в периферийных областях зарождается истинно новое, накапливаются те зерна необычного, не традиционного, что способствует, в конце концов, проявлению революционных изменений. Но проявить себя это новое часто может с трудом. Мартин Вальзер описал историю провинциального историка, так и не

сумевшего опубликовать свои исследования, сделанные на основе скрупулезных разысканий, так как в столице экспертом профильного журнала, от которого зависела публикация, оказался человек, концепцию которого разрушала предлагаемая работа. Дело было в Германской Демократической Республике. Но и в ФРГ автору не удалось опубликовать свой труд, ибо его идеи воспринимались там как проникнутые коммунистической пропагандой. Так часто провинциальные новаторские идеи оказываются загубленными, потому что столица не всегда в состоянии их осмыслить и воплотить.

Провинция, безусловно, более консервативна, более косна, нежели столица. Но, с другой стороны, здесь есть возможность для более углубленного осмысления каких-то сторон действительности, ускользающих от столичного жителя, втянутого в водоворот стремительно несущихся событий, что особенно характерно именно для Москвы. Об этом писал В. Пяст, характеризуя особенности петербургской поэзии: «Ярмарочная суета Москвы совершенно незнакома нашим петербургским поэтам». И в наши дни москвичи более энергичны, более подвижны, нежели петербуржцы. Особенно это видно со стороны, иностранным гостям. Как пишет Джон Николсон, пока петербуржец сиднем сидит, не вылезая из своей квартиры, москвич в минувшие три дня «продал квартиру (дважды), купил три новых машины, женился, развелся, сформировал новую политическую партию, еще раз женился и развелся и написал в постмодернистском духе отчет о полутора часах, проведенных в вашей запертой комнате» [4].

Но можно ли все же Санкт-Петербург назвать провинцией? В дореволюционном Петербурге чувствовался столичный лоск, холодность и светскость, чопорность и отстраненность, многократно отраженные в произведениях искусства. Все стало изменяться в советское время. И в этом были как отрицательные, так и положительные черты. С тех пор, когда в советское время столица была перенесена в Москву, в Петербурге происходили многообразные изменения. Уже переименование в город Ленинград не прошло бесследно. Имена имеют некое мистическое воздействие. Беспрецедентный подвиг горожан во время второй мировой войны наложил вторичный отпечаток на этот город и во всем мире слово «ленинградец» имеет дополнительный героический смысл, придающий величественный отблеск людям, жившим в нем. Однако неотвратимые изменения в городе происходили не только из-за переименования. Сразу после Октябрьской революции большинство дворян, чиновников, определявших столичный облик жизнедеятельности и взаимоотношений людей, по разным причинам покинули город. В их квартиры вселились рабочие окраин и крестьяне, теперь представители господствующих классов. Носителями светскости, хороших манер стали лакеи, прислуга. Оставалась, правда, еще и интеллигенция, сохранявшая традиционные ценности, в том числе и столичные. Но, увы, сокрушительные репрессии выкорчевывали из города носителей подлинной культуры, зачастую связанной с культурой столицы. Усугубила этот процесс война с гитлеровцами. Как известно, на войне гибнут лучшие. И город опять понес урон. В дальнейшем многочисленные миграционные процессы пополняли город провинциалами, число которых стало превышать количество коренных жителей, которые гордо стали себя называть «коренными ленинградцами», понимая, что они – носители чего-то неповторимого и своеобразного. Кроме того, приезжие провинциалы, как правило, более жизнедеятельны, более активны, нежели коренные жители. Не имея протекции, родственников, им приходится прилагать больше усилий, чем тем, кто здесь жил, чтобы достичь поставленных целей. Поэтому укореняются в городе только самые энергичные, стойкие, умные и смелые провинциалы. В то же время следует отметить, что, попадая в Ленинград – Петербург, люди начинают стремительно изменяться соответственно его удивительной красоте и строгости, стройности и четкости зданий. Пространство города влияет на облик людей, проживающих в нем. Легко отличить жителя города от всех других – и не только по речи, словарному запасу, но и по кинесике, жестам, мимике, по манерам, по внешнему облику. Приезжие мигром чувствуют свою непохожесть на коренных горожан, отличие от них, и вскоре начинают подражать тем, кто вызывает если не восхищение, то понимание их более высокой цивилизованности. В перестроечный и постперестроечный период в городе появилось много людей из южных окраин страны, которые стали продавать различные товары на наших рынках – в первую очередь на Сенном и в Апраксином дворе. Оказываясь с ними в маршрутном такси, пришлось увидеть определенную закономерность. Если сначала они очень странно для жителя города оповещали о необходимости остановки – чаще всего у этих рынков, то со временем в своих просьбах водителю они перестали отличаться от всех остальных. И все же, как мы видим, доля тех, кто был носителем «столичности», постоянно уменьшается. Эмиграция, повышенная смертность также способствуют этому. Таким образом, население города в целом становится все больше и больше провинциальным. Провинциальность Петербурга, все более нарастающая, проявилась и в необычной для города растущей в последнее время ксенофобии. Потрясающие страну убийства в Петербурге в начале XXI века на почве национальной неприязни отнюдь не являются традиционными для города, изначально отличавшегося терпимостью и толерантностью к людям, принадлежащим к разным этническим и конфессиональным группам.

С другой стороны, существовало и существует множество процессов, в советский и постсоветский период, как общегосударственного масштаба, так и более мелких уровней, низводивших и низводящих город в статус провинциального. Это и политические, и экономические, и административные факторы.

Как правило, столица притягивает все самое яркое и интересное из провинции. Самые выдающиеся ленинградцы и потом петербуржцы постепенно стали москвичами. Более редки случаи, когда москвичи перебираются в «северную столицу». Конечно, это не общее правило. Но все же в этом процессе много переключек в проявлении взаимоотношений Древнего Рима и выходцев из Древней Греции, пополнявших Рим в качестве наставников и учителей. В книге «Грузинский альбом» А. Битов описывает, как он ехал из Москвы в Ленинград с московским писателем (описывались события середины 70-х годов). Договорившись заранее о поездке, Битов, привыкший к тому, что перед отъездом может не оказаться билетов в кассе,

заблаговременно купил два билета. Как подчеркивает писатель, в Ленинграде, как правило, билетов (да и всего остального) меньше, чем в Москве. Его попутчик, москвич, пришел на вокзал за несколько минут до отправления поезда, и тут же без очереди купил два билета в СВ. Так на четырех билетах они и поехали в Ленинград. И публика в вагоне оказалась совсем не та, к которой привык писатель, пассажир второго класса, как он себя назвал, ставший недавно перед этим столичным жителем, и с необходимостью перенимая столичные манеры.

Связано это с тем, что все государственные учреждения сосредоточены в столице. Поэтому близость к ним помогает более быстро и просто внедрять свои новаторские идеи. И наиболее активные и инициативные люди стремятся быть ближе к этим источникам быстрого внедрения их творческих концепций. С другой стороны, и столица заинтересована в носителях инновационных процессов, почему и привлекает их. Таким поставщиком неординарных личностей, талантливых людей является именно провинция. Так, И. Смоктуновский, провинциальный актер, сначала заблистал в Ленинграде, а затем стал москвичом. Примеров таких уйма.

Различного рода конкурсы, соревнования, как правило, выделяют в первую очередь столичных жителей, ибо, как правило, большинство в жюри представляют столичные профессионалы. Даже тогда, когда победителями становятся провинциалы, столица их привлекает, превращая в своих жителей. Здесь возникает определенная закономерность. Провинция пестует своих питомцев. Неспешность жизни, отсутствие суеты позволяет углубиться в проблемы, интересующие серьезного человека. Это способствует его профессиональным успехам. Но как только он их достиг, ему необходим простор для самореализации. Простор этот предоставляет столица – с ее обилием разного рода учреждений, позволяющих внедрить нововведение. И провинциал отправляется в столицу. Здесь его ждут разного рода испытания. Выдерживают самые стойкие и энергичные. Возможен и другой путь. Молодой провинциал, не ощущая подпитки в своей интеллектуальной и духовной интенции, отправляется «покорять столицу». Удается это немногим, но самым талантливым и предприимчивым. И они становятся столичными жителями, сливаясь с ними и нередко достигая завидных вершин.

Как провинциальный город, Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург все же выделяется среди всех остальных городов России. Здесь много центров – культурных, научных, творческих, сформировавшихся еще со времен основания этой столицы. И часто именно этот город оказывался более притягательным для провинциалов, привлекая отсутствием отрицательных черт, присущих столице. Петербург становится кузницей кадров. Особенно это заметно в наше время, когда президентом стал петербуржец. Таким образом, Петербург все же можно назвать столицей провинциальной культуры, подпитывающей и способствующей славе России.

Литература

1. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т.6. С.336
2. Даниэль С.М. Картина классической эпохи. Л., 1986.
3. Николсон Джон. Другой Петербург. Записки англичанина. СПб., 1995. С.20.